

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

Збірник праць
молодих вчених
та аспірантів

Том 3

Національна Академія наук України
Інститут української археографії та джерелознавства
ім. М. С. Грушевського

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

*Збірник праць молодих вчених
та аспірантів*

Т о м 3

Київ 1999

Олена Богдашина, Ігор Верба

Листи Н.Д.Полонської-Василенко
до О.Д.Багалій-Татарінової

В особистому архіві родини Багаліїв в м. Харкові зберігаються десятки листів, зокрема 19 послань відомого історика, автора славнозвісної "Історії України" Н.Д.Полонської-Василенко (1884–1973), до своєї колеги і подруги, середньої доньки академіка ВУАН Д.І.Багалія – не менш завзятого науковця – О.Д.Багалій-Татарінової (1890 – 1942).

Теплі, ширі і дружні взаємини, позначені служінню рідній науці, довгий час єднали цих неспересічених жінок України.

Правдоподібно їх заприязнення відбулося десь на початку 1920-х років, коли Наталя Дмитрівна стала від Києва штатним науковим співробітником Харківської кафедри історії української культури, яка працювала під орудою академіка Д.І.Багалія¹. Гадаємо, що цей новий правовий статус давав підстави Наталі Дмитрівні лаштувати великі творчі задуми, планувати майбутню наукову працю. Тому цілком логічним виглядає, що саме Ольга Дмитрівна, як помічниця і секретарка батька, взяла на себе обов'язки зв'язкової між харківськими і київськими вченими. Ці стосунки ще більше зміцнилися, коли на прохання Дмитра Івановича Н.Д. Полонська-Василенко почала готувати до перевидання його капітальні праці "Історія заселення Південної України" та "Залюднення Степової України"², які з додатками та коментарями вирости в самостійне дослідження. Як зазначала суспільствознавець у звіті 1929 р., перша праця забрала у неї майже цілий рік. Вона зробила переклад твору українською мовою та написала додатки до всіх розділів обсягом 4 друкованих аркуші³. Як видно з її археографічного опрацювання, Наталя Дмитрівна зуміла використати масив тогочасної наукової літератури й подати її оригінальне трактування. Часто думки історика набагато перевершують коментовані місця й складають цілком завершені розвідки. Так же інтенсивно працювала Наталя Дмитрівна над другою лектурою Дмитра Івановича. І за досить короткий час розширила студію поважного академіка з 112 друкованих сторінок до 306 (!). Це була захоплююча і цікава робота, яка віднімала у Полонської-

Василенко весь час, однак за цією марудною працею вона набиралася сил і насаги. Незмінним дорадником для неї весь час виступала Ольга Дмитрівна, яка постійно тримала подругу в курсі всіх наукових подій, зрештою, допомагала у віднайденні рідкісної харківської літератури.

Зрештою минали роки і на початку 1932 року відійшов в інший світ академік Д.І.Багалій – довголітній керівник вуанівських комісій, де працювала Н.Д.Полонська-Василенко і О.Д.Багалій-Татарінова. Цілком природно, що за їх ініціативою і за дієвою участю тодішнього керівника Комісії для виучування соціально-економічної історії України ХУІІІ-ХІХ ст. в зв'язку з історією революційної боротьби (КВСЕІУ) О.П.Оглоблина, було поставлено питання перед Президією ВУАН для вшанування померлого академіка, перевидати його праці⁴. В основу цього проекту був покладений ще складений за життя самим Дмитром Івановичем план, який включав 15 томів, що тематично і хронологічно охоплювали весь діапазон творчості талановитого вченого⁵.

Саме на цій великій та інтенсивній роботі зосредили свою увагу ці дві непересічні жінки. На жаль цій великій та потрібній справі не пощастило. Сталінщина на Україні все активніше давалася взнаки і в умовах ідеологічного прочухану, який як домоклів меч висів над усіма співробітниками академіка Багалія і в період гострої критики його праць з боку партійних функціонерів від науки, ця робота була згорнута й так і не побачила світ. Ці події на деякий час розвели подруг, однак листовний зв'язок не припинився. Нових обертів стосунки Наталі Дмитрівни і Ольги Дмитрівни набрали в 1940-1941 році, коли остання заохотилася думкою захисту кандидатської дисертації. Як доктор історичних наук Н.Д.Полонська-Василенко радо погодилась допомогти колезі і виступити опонентом на її захисті⁶. Однак цій справі завадила війна. В лихому 1942 році в Харкові загинула Ольга Дмитрівна, а Наталя Дмитрівна примушена була виїхати за кордон, де ще довгі роки працювала на терені української історичної науки. На еміграції вона написала чимало високоталановитих візій, залишила цікаві спогади про свою наукову працю. В них знайшлися теплі і душевні слова про Ольгу Дмитрівну Багалій-Татарінову⁷.

Подаючи вперше до публікації листи Н.Д.Полонської-Василенко до О.Д.Багалій-Татарінової ми зберегли лексико-стилістичні та граматичні особливості мови автора згідно правопису 1930-х років. Зазначаючи цей момент, наголосимо, що згідно волі Н.Д.Полонської-Василенко О.Д.Багалій-Татарінова, як це випливає з листа №3 від 1.03.1932 року знищила деякі послання своєї подруги, але навіть і ті що залишилися малюють досить яскраву

картину гоголчасної наукової дійсності. Також виправлені а помилки.

№ 1

/не раніше 9 лютого 1932 р.

Милая, дорогая Ольга Дмитриевна

Пишу – потому что хочется что-то сказать. Голова не работает, а мысли спутаны, все остановилось... Я ушла из Академии в 2 ч. исполняя последнюю волю Дмитрия Ивановича (ком.1) - а телеграмма видимо уже была получена, и дома меня встретил Ник.[олай] Прок.[опович] (ком.2) бледный, расстроенный – и передал страшную весть – Кульчицкий (ком.3) известил по телефону, что получена телеграмма. Мы весь день ходили, как прибитые из угла в угол.

У меня нет слов, чтобы выразить Вам, как велико мое горе: в лице Дмитрия Ивановича я потеряла дорогого мне, искренне любимого мной человека, в доброе чувство которого ко мне я верила и теперь я точно осиротела. В последний день пребывания в Кисве Дмитрий Иванович сказал мне, что в вашей семье мы с Ник.[олаем] Прок.[оповичем] имеем самых близких друзей. Как были бы счастливы мы, если бы Вы всегда помнили, что именно таких близких друзей, всей душой разделяющих Ваше горе, имееете Вы и в нашем лице.

Сегодня весь вечер звонит наш телефон – это наша осиротевшая комиссия делится своим горем, и особенно остро переживаем его конечно мы с В.иктором/ Ал./ександровичем/ (ком.4)

Снова и снова перечитываю Ваше и Дмитрия Ивановича последнее письмо с Вашим утешительным – “идет на поправку” – 3.11. Что же случилось? Осложнение? Новое заболевание? Тон письма Дмитрия Ивановича такой бодрый деловит, нет даже намека на возможный исход. Я страшно жалею, что не могла приехать - здоровье Ник[олая] Прок[оповича] не позволяет мне отлучаться.

Простите, родная, что я так бесвязно пишу, мне очень, очень тяжело, и просто хочется выразить Вам, как нам близко Ваше горе, и как дорог был Дмитрий Иванович, и как больно сказать “был” - и никогда больше не увидеть его.

Крепко обнимаю и целую Вас.

Ник.Прок. шлет сердечный поклон.

Всей душой Ваша
Н.Полонская

№ 2

14.II./1932'

Дорогая Ольга Дмитриевна

Вчера, 13.11 вернулся А[лександр] П[етрович] (ком.5) и передал мне Ваш ценный подарок - спасибо сердечно Вам и Юрику за него (ком.6): 11- всех карточек Дмитрия Ивановича которые я знаю - это, по-моему, самая

нишая. Хотя голова спущенная – но так точно живой. Узнала от А.П. все подробности последних дней – и так ужасны они! Впечатление, что Дмитрий Иванович, который так любил лечиться, так осторожен был в отношении своего здоровья, когда надвинулась реальная опасность не только не боролся с ней, а делал все, чтобы ухудшить положение. Вставать с кровати, при припадке, при расширении сердца! Ведь это ужасно.

Все эти дни мы дома, да и не только дома, среди наших близких знакомых, но и при встречах в Академии говорили и вспоминали Дмитрия Ивановича, так-что, отдаленные сотнями верст, душой мы были все время с Вами, быть может больше, чем многие, бывшие физически близко... И я должна сказать, что впечатление в Академии большое, искреннее. Глубоко чувствуется утрата – и научная, и доброго, отзывчивого человека, о котором у массы людей есть память о добром слове и деле, наша комиссия и я – объекты, которым выражаются соболезнования в тяжелой утрате. Но утрата, конечно шире комиссии: осиротел весь наш Відділ.

Много с Н.[иколаем] Пр.[окоповичем] думали о Вас, как Вам теперь будет одиноко, не чувствуя вечной заботы и любви Дмитрия Ивановича. Юрий – не то, он уже почти мужчина с своими интересами, жизнью.

Крепко целую Вас, дорогая Ольга Дмитриевна, и еще раз благ одарю за карточку.

Ваша Н.Полонская

Ник.Прок. шлет привет.

Как любил тепло Дмитрий Иванович – и в какой холод совершил свой последний путь.

Как странно вышло с ВУАН: ведь поручено было представится от президии – Фомину (ком.7), очевидно он не получил телеграммы.

№3

1.11. [1932 г.]

Милая, дорогая Ольга Дмитриевна

Спасибо Вам за то, что Вы в такое время все же нашли возможность написать нам. Да, Вы правы, я тоже считаю большим счастьем умереть так, как умер Дмитрий Иванович: без долгих мук, не переживая себя – это главное. Это тяжелее для близких, т.к. не остается утешения “ему лучше”, но безусловно лучше для того, кто умирает.

Огностительно материалов комиссии нашей мне не ясно – что именно там? Ясейчас посоветовалась с Ал./ександром/ Петр./оичем/ по телефону и мы решили, что лучше всего если бы можно было выделить эти дела и огложить до его приезда, он будет в Харькове в марте, на сессии. Если это копии планов і звігів, которые посылала я – это интереса не представляет, т.к. я все такие дела переписывала в трех копиях, один экземпляр подавала, одну копию посылала Дмитрию Ивановичу, а одну оставляла в комиссии. Если это заметки, писанные для комиссии самим Дмитрием Ивановичем – то этого рода материалы лучше всего было бы передать Комиссии. Относительно моих писем я бы очень просила Вас по возможности их

“из”ять”: за все время наших дружеских отношений я слишком дружески и откровенно писала Дмитрию Ивановичу обо всем и высказывала суждения о живых еще особах... особенно последние годы.

Вы спрашиваете — что слышно в ВУАН? Ничего. Я не спрашивала никого, Ал.[ександр] П.[етрович] спрашивал — и получил такое впечатление. Первое заседание Відділу началось вступительным словом Воблого (ком. 11), в котором он охарактеризовал деятельность Дмитрия Ивановича в Академии очень тепло. Потом небольшой доклад о нем прочитал Ал.Петров. — от и все. На 2.ІІІ в нашей комиссии было назначено заседание памяти Дмитрия Ивановича, с докладами Каминского — Наукова громадська діяльність (ком. 12), В.А.[Романовський] — Історик Лівобережної та Слобідської України, моим — Південної України. Намечались еще два — Антиповича — історія доби феодальної (ком. 10), и Журавовского — “Освіти та культури” (ком. 13) — но два последних перенесены на следующие заседания. В назначенный день заседание не состоится, т.к. заболела, видимо, гриппом, я, да оно и лучше так вышло, т.к. назначен доклад Познанского о письме Сталина (ком. 12), и все заседания этого дня сняты. Далее была у нас мысль издать памяти Д.Ив. специальный сборник, и повесить у нас в комиссии его портрет. Комиссия хотела бы принять участие личным трудом в разборе и подготовке к изданию его трудов. Я еще не навела справок в Видавництві получены ли рукописи в ДВОУ, из-за моей болезни. Но у меня есть полный экземпляр “Колонізація південної України”, в котором отсутствует только 4-5 страничек — помните когда в ДВОУ потеряли рукопись, Дм.[итрий] Ив.[анович] прислал его мне для приведения в порядок? Если есть у Вас “Вступ” — про рушійні сили колонізації — пришлите его мне: тогда будет собрано все в одном месте.

Думаю что задерживать збірники наши нет оснований — тем более, что там печатаются статьи Дм.Ив. Мы только приложим, в котором укажем почему они так запоздали и устарели.

У меня большая просьба к Вам: когда Дмитрий Иванович бывал в Киеве я обычно брала для его работы книги в ВБУ, и также взяла и теперь, осенью, но одну из них он увез в Харьков: не можете ли Вы прислать ее мне: это маленькая брошюрка, из библиотеки б.[ывшего] К.[иевского] университета по поводу польского восстания поляков 1863 г. [шифр В 2234 И]. С меня эти книжку требуют — м.[ожет] б.[ыть] при случае Вы передали б ее мне? У меня остались Ваши карточки — польских изданий о 1863 г. — что делать с ними?

Я не ответила Вам о настроении в Комиссии. Мы все искренно [и говорю, конечно, о себе] смертью потрясены и будущее пугает многих.

Крепко обнимаю и целую Вас. Ник.[олай] Прок.[опович] сердечно кланяется Вам.

Ваша Н.Полонская

№4

[березень 1932]

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Заседание, посвященное памяти Дмитрия Ивановича, назначенное

е состоялось по болезни В.Ал. [у него было воспаление гриппозное]
е состоялось по той же программе, которую я прислала Вам. Народу
много, наша комната была полна до отказа. На этот день мы заняли в
[иссии] іст.[орії] укр.[аїнського] права прекрасный портрет Дмитрия
Ивановича – заказанный нами еще не готов. К сожалению первый докладчик
Каминский опоздал на час, это конечно отразилось на составе публики: в
ате было холодно и к концу его доклада многие разошлись. Читали,
Каминского, В.Ал. и я. После заседания публичного мы обсуждали в
иссии вопрос о чествовании памяти Дмитрия Ивановича и я хочу
сказать Вам, что было предложено:

1. присвоить комиссии имя комиссии Д.И.Багалая.
2. обратиться в Президию ВУАН с предложением принять меры к
переименованию улицы, где он родился на улицу Багалая; к помещению
доски на доме, где жил Д.И. жил студентом, к присвоению имени его
дому, где он учился.
3. принять меры к собранию находящихся в Киеве памятников – писем,
портретов и т.д., не предупреждая вопроса о том, где они будут находиться в
ближайшем.
4. просить об устройстве кабинета для изучения обстоятельств жизни и
учной работы Д.И.
5. издать сборник в память Д.И. Для проведения в жизнь этих пожела-
ний и дополнения их и разработки выбрана комиссия в составе меня,
Клименко (ком.13), Каминского и В[иктора] Ал.[ександровича].

Первое заседание комиссии было вчера. Намечено несколько новых
вопросов и вот для разрешения их я и обращаюсь за помощью к Вам. Пока
что план сборника назначен такой: 1. те доклады, которые были прочитаны и
которые будут прочитаны в ближайшее время – в том числе доклад
Журавовского “Д.И. як історик освіти та культури”. Каминский настаивает
на спешности и важности издания такого сборника. 2. Воспоминания. 3.
Статьи, рисующие деятельность Д.И. в Комиссии (моя или моя и О.П.), а
также в Академии. 4. Просто научные статьи, посвященные Д.И. Сборник мы
расчитываем на 10 листов.

Вот тут и является вопрос – к кому можно обратиться за участием в Харь-
кове? Не посоветуете ли Вы нам? Далее не дадите ли Вы сами каких либо
материалов, портретов и т.д. Не укажете ли людей, к которым можно обратиться
в Киеве? Называли племянницу Дмитрия Ивановича: не напишите ли Вы мне ее
имя, отчество; фамилию, адрес – чтобы я могла лично обратиться к ней. Нет ли
у нее каких-либо материалов для биографии Д.И. Не знаете ли Вы вообще
людей, которые знают Д.И. в Киеве с ранних лет? Жду с нетерпением ответа.
Клименко просил спросить Вас, не у вас ли хранятся материалы Д.П.Миллера о
делах (ком.14) – когда-то Д.И. предлагал ему издать их с предисловием: он
предлагает это сделать теперь. Если они у Вас – может быть пришлете их нам?

Потом уже мое личное – у меня просят в ВБУ вернуть книжку, которую
я взяла для Д.И. о 1863 г. группы киевских профессоров. Если она найдена –

пожалуйста пришлите ее мне, т.к. мне уже неудобно — я пропустила сроки.

Крепко целую Вас, милая Ольга Дмитриевна. Пусто и одиноко чувствую я себя в Комиссии теперь. Подходит сессия и так боязно, что принесет она больше Дмитрия Ивановича! Н. [иколай] П. [рокопоев] кланяется Вам.

Любящая Вас. Н.П. [олонская] - В. [асилени]

№5

3.IV. [1932]

Люба Ольга Дмитровна!

Листа Вашого, на адресу комісії, одержала з запізненням, деякий час його носив в кишені Ол. [ександр] Петр. [ович]. Краще писати на нашу приватну адресу. Вчора було в нас засідання Комісії і ми знов обмірковували заходи для вшанування пам'яті Дмитра Івановича. По-перше, ухвалили просити Вас увійти до складу нашої бригади, яка зараз здобула вже не так багато часу, а постійне завдання — дбати про видання збірника, скласти програв його тощо. План збірника має бути такий: 1. Вступне слово О.П. [Оглоблін] та 5 статей, які по часті були прочитані, по часті — мають бути прочитані в Комісії, а саме: В.Я. Камінський — Наукова та громадська діяльність Д.І. [Багалія], В.О. Романовський — Д.І. [Багалій] як історик Слоб. України. К.Е. Антипович — Д.І. [Багалій] як історик феодальної доби, Г.Е. Журавський — Д.І. [Багалій] як історик освіти та культури та моя — Д.І. [Багалій] — як історик Південної України. 2. Статті, які мають його роботу в різних установах — Д.І. — в університеті св. Володимира, в Комісії соц. [іальн] - екон[омічної] історії, в ВУАН, в Археограф. [ічний] Комісії, в Комісії Біограф. [ічного] словника, в Інституті Шевченко, в СНР, в Архівній/ій/ справі тощо. 3. Спомини — в певному напрямку. Наукові статті загального характеру одкинути. 4. Портрети, автографи тощо.

Ось тепер, коли план набуває деякої певності Вам легше допомогти нам порадою до кого в Х. [аркові] звернутися, по аналогічній статті, які саме моменти можна висвітлити, тощо. Видавництво обіцяє видати збірник швидкими темпами.

Клименко був в архіві [його між іншим, вчора несподівано для адміністрації перекинули в вогкий Михайловський собор, і митроп. будинок зайнятий якийсь полк]. Знайшов в архіві університета багато про часи перебування Д.І. [Багалія], навіть його твори студентських років. Крім того ми вирішили збирати все, що можна зібрати про Д.І. — як матеріал для майбутнього спомини листи тощо.

Що-до рукописів — ми чекаємо на них і вживемо всіх заходів, щоб видрукувати все, що можна, звичайно. З виданням, зв'язано чимало труднощів — але Комісія вважає це за свій обов'язок, а з членів — головне звичайно, як від щирого серця прикладу всі зусилля щоб допомогти. Наче дуже приємно, що рукописи ви передаєте Комісії — це, на нашу думку, цілком природньо що Комісія візьме на себе цю роботу. Ми подаємо

заяву, в якій зазначаємо всі заходи, які памічає комісія в справі
визначення пам'яті Д.І.[Багалія], і в тому числі – і те, що вона бере на себе
визначення його останніх творів. Ми організуємо спеціальну бригаду, якій буде
покинути реалізувати цю ухвалу.

Тепер моя особиста просьба до Вас: я маю підготувати статтю про
Д.І.[Багалія] як історика південної України – а між тим в Києві немає двох
статей: “По поводу юбилея Екатеринослава” Харьк.[овские]
ерские] Ведомости, 1887, №11 та “К юбилею Николасва” – тамож.
№90, № не зазначено. Якщо вони є у Д.І.[Багалія] надійшли їх мені на
короткий термін – бо тут їх не можна знайти, а без них теж не можна
житися бо взагалі праць з історії Півде.[енної] України мало у Д.І.[Багалія].

А мене персонально трапилась велика неприємність, якої, звичайно за
11 не могло бути: мені, з невідомих причин зменшили платню на 70 крб. на
місяць – не кажучи вже про те, що дорожнеча така, що не зистачає й повної
платні, тут є щось образливе: чому саме мені – не всім – за чим, не ясно,
розпорядженням мене поставлено нижче за співробітників II кат./егорії/
вони одержують 200 крб. – а я – 180). Питаю, клопочусь – і так все не
сприятливо. Відповідь – треба було когось урізати... Відповідаю – що я не маю
получення, працюю виключно в ВУАН. Якщо й поновлять – це буде
зроблено не через Відділ. І почуття образи, а разом з тим того, що мене не
вважають за корисного члена – звичайно залишиться надалі: автор цього
ясно хто – той кому Ви просили передати и телефона в Х.[аркові]. Все це
робить те, що на праці в ВУАН я починаю дивитися, як на щось випадкове,
тимчасове. І це дуже і дуже больно.

Крепко целую Вас
Ваша Н.Пол.[онская]

№6

[квітень 1932]

Милая Ольга Дмитриевна!

Ваше молчание очень тревожит меня: не заболели ли Вы от всех
забот и переутомлений? Я обращаюсь сейчас к Вам с большою просьбою:
Ник.[олай] Прок.[оповичу] назначили пенсию, но вышло недоразумение, и
деньги, следуемые за первые три месяца касса возвратила в Харьков, т.к. мы
не получили извещения и не пришли получить их. Все письма об этом в
НКСО остались без ответа. Ник.[олай] Прок.[опович] решил просить
К.А.Красуского (ком.15) лично узнать в чем дело – но мы не знаем его адреса.
И вот я вкладываю в письмо Вам конверт с письмом на имя К.А. с просьбой –
написать адрес и опустить в почтовый ящик. Буду очень благодарна Вам.

Получили ли Вы 2 мои письма от Комиссии – по поводу наших шагов для
ускорения памяти Дмитрия Ивановича? Мы подали в Президиум Відділу
с просьбой поддержать наше ходатайство об исполнении всего того, о чем я
писала Вам. Наша бригада составила план Сборника – и тоже на днях
представим его на ухвалу Відділу. Заказали портрет Дмитрия Ивановича для
Комиссии – увеличение с той карточки, которую Вы прислали мне. Такая же

будет помещена в журнале цикла. А там если будет соответствующая укладка
– будем уже проводить в жизнь наш план.

Ждем Ваших указаний.

Крепко целую Вас. Ник.[олай] Прок.[опович] шлет сердечный привет
Мой поклон Наталии Дмитриевне и Юрику.

Любящая Вас Н.Полонская

№7

16.IV [1932г.]

Люба Ольга Дмитриевна.

Два дні тому одержала Вашого рекомендованого листа, вчора –
листівка (між іншим наша адреса – Тарасівська 20, ком. 5 /а не 4/). Дякую
них. Але дещо в нас викликає сумнів: по-перше, я не пам'ятаю в якій
порядковій писала я про заходи Комісії в справі вшанування пам'яті Дмитра
Івановича, і що саме припало на §3??? Це – або меморіальна дошка на
будинковій на Театральній (тоді чому ні?) або заснування кабінету для
вивчення творчості Дмитра Івановича (знов таки – чому ні???). Дуже прошу
Вас відповісти на ці неясні запитання. Рукописів ми ще не одержали, і знов
таки нам не ясно – чому Ви надсилаєте лише ці дві праці, а не ті, які були
прочитано в Комісії на останніх засіданнях за участю Дмитра Івановича? Я
сподіваюся, що ті праці, які написані самим Дмитром Івановичем, було б
легше і швидше видати. Во всякому разі – монографії.

За Вашу пропозицію дякуємо і вважаємо, що це чудесна тема. А може
Ви дали б ще невеличкий опис самого архіву Дмитра Івановича – це було б
дуже цікаво. Ми поки ще не розпочали як слід збирати матеріали, але
сподіваюся, що справа почнеться цими днями: завтра в нас засідання – буде
затверджено план збірника в Комісії і можна буде реально розпочати роботу.

Ви пишете про перевтому: це ясно видно з Ваших листів. Та й не дивно
було б коли б Ви не почувли її після такого року та такої втрати. Куди Ви
поїдете на відпочинок? Може до Преображення? (ком.16) Ми цього року
мабуть теж обмежимося їм: неімовірна дорожнеча, повний брак коштів,
більшу частину дачних будинків колективізовано тощо. Мені зменшили
платню з 250 до 180 на місяць – все обіцяють поновити – але третій місяць
вже минає і ніяких змін: цікаво, що не можу допитати які підстави????

Крепко целую Вас. Ник.[олай] Прок.[опович] шлет привет.

№8

25.VIII [1932г.]

Киев. Тарасовская 20,5.

Милая Ольга Дмитриевна.

Получила вчера Вашу открытку, пересланную из Киева – мы доживаем
второй месяц в “Преображенном” – . . . Мне очень жаль вас. Я сама болею
эндокардитом, пролежала с ним 8 месяцев: главное – будьте осторожны и
спешите встать: это зовет покойного прах – Яновского (ком.17). Почему у Вас
эндокардит? Сам по себе, или как осложнение другой болезни? Какая
температура? Кто ухаживает за вами?

Напишите открытку на Киев – мы будем числа 30 или 31.VIII.

Вы спрашивали про Академию: мы тут ничего не знаем: говорят, что

II Відділу/или весь переводится в Харьков. Говорят что большая часть Академии будет переведена на пенсию и [из] состава II Відділу остается не больше 20%... Что будет с нами – и в частности со мной – не знаю. Думается страшное и страшное. Писала отсюда – О.П.[Оглоблін] не ответил. Он в городе и знает больше других. Что будет с рукописями Д.И.[Багалей] не знаю.

Вспомню к работе, нег сил работать, не зная, что ждет. В ВШ уволено 35

Получила на днях учетное письмо от ВАК (ком. 18).

Когда узнаю что-либо – напишу, а пока крепко целую. Н.П. шлет привет.

Ваша Н.П.[олонская]-В.[асиленко]

№9

30.X/19/32

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Адрес Н.З.(ком.19) узнала вчера, но не от Аг.Еф. (ком.20), который еще не приехал, а от жены одного из его товарищей: Станция Медвежья гора. Бел-быт.лаг.[Беломоро-Балтийский лагерь]. 5 сводная рота.

Могу сообщить и другую новость, для меня очень приятную: я на днях получила письмо от Ал.[ександра] Петр.[овича], в котором он дал разрешение выпустить II том "Праць" – харьковский, и я специально реализовала его. Первый том выйдет на этих днях. Но представьте себе – портрет Дмитрия Ивановича, заказанный комиссией в марте в лаборатории Академии еще не готов. Это называется "темпы".

У нас все по старому – работаю по-немногу – то-есть работаю я "много". Но результат не много, здоровье Ник.[олая] Прок.[оповича] то хуже, то лучше. Только-что переболел чем-то не ясным, но мучительным – не то грипп, не то какое-то осложнение основной болезни. Оба мы шлем Вам наш самый сердечный привет. А как в Киев Вас не приведет судьба в этом году?

Ваша Н.Полонская.

№10

7.1 [1933 г.]

Милая Ольга Дмитриевна.

Сегодня получила от Вас две книги и "Архіва Рад./янської/ України", но не получила сопроводительного пояснения: жду письма. Если один из них нам – очень благодарим Вас за память. Прочитали уж оба, Ник./олай/ Прокопович и я, значительную часть самокритичного взгляда праць Дмитра Ивановича, о котором он много рассказывал нам, будучи у нас в последний раз и так много вспомнилось. Такой портрет Вы прислали мне, и я даже увеличил его для Комиссии – вышло очень хорошо, но к сожалению все еще он не перенесен в Комиссию, т.к. не готова рамка – это тянется – не удивляйтесь – это темпы нашей работы в ВУАН – с марта месяца.

Мне говорил Ал.[ександр] Петр.[ович], что вы уже давно получили книжку нашу и довольны ею — я очень этому рада. Я положила много труда на нее, много нервов и все же она не удовлетворяет меня: она печаталась ужасной типографии, где много раз теряли оригинал, теряли набранное, набирали снова, спорили за каждую корректуру — и наконец когда потребовала еще корректуру статьи Д.И.[Багалей] как последние решительно отказались дать ее. Теперь ждем отгисков. Тут новая драма: могу добиться, что-бы отгиски сделали в обложках. Горе в том что в Главном Издавничестве стоит человек, абсолютно не авторитетный в нем, ничего не понимающий в деле и попавший туда только потому, что сняв его с прежней должности, нашли нужным дать ему компенсацию. Так он видимо и сейчас смотрит на дело: трудно передать и еще труднее поверить тому, что делается там. Как Вы поживаете? Из слов Ал.[ександра] Петр.[овича] знаю, что материально не блестяще, но научно очень продуктивно. Буду так рано получить весточку от Вас. Недавно мы на заседании Комиссии официально затвердили Вас, так Вы вернулись к нам — и выразили горячую радость по поводу этого. Комиссия наша в этом году почему то работает вяло — была только одно заседание 2/1 с первой половиной доклада Кранченко²¹; почему то Ал.[ександр] Петр.[ович] не хотел созывать раньше. Мешают объективные причины — особенно отсутствие электричества по вечерам: у нас дома его не бывает постоянно, и нас спасают старые керосиновые лампы, но что это стоит... Не бывает света иногда и в Академии. Я в этом году работаю, как давно не работала, главным образом потому, что Ник.[олай] Прок.[опович] с осени чувствует себя лучше и после трехлетнего перерыва снова начал научно работать. И спит хорошо, значит — сплю и я.

Крепко целую Вас. Ник.[олай] Прок.[опович] шлет сердечный привет.

Душою ваша Н.Полонская

№ 11

24.11.1933

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Давно уже получила Ваше милое письмо, которое тронуло меня тем, что Вы вспомнили и меня 9/11, и порадовало тем, что дало надежду скоро увидеть Вас. Нечего говорить о том сколько раз вспомнила я Дмитрия Ивановича и Вас в те дни... Помянули мы его и официально, подогнав заседание комиссии к этому дню. Об этом, вероятно, уже писал Ал.[ександр] Петрович/. Не писала я по двум причинам; я хотела написать Вам что-нибудь конкретное и хорошее, но этого до сих пор выполнить не могу. Одежда Ваша цело, оно прибрано у Януковой и я его возьму домой, не взяла — т.к. мешали "объективные" причины — то иду домой не прямо, то несу уйму книг. Хотела написать о Прохоровке — но еще не узнала — нет тех людей, которые могут сказать. Как увижу — узнаю. Обидно мне, что до сих пор наше издательство не приготовило отгисков Дмитрия Ивановича — разрешено сделать на них обложки — и это так задержало дело. Как только будут готовы — вышлют

Разрешите взять по одному оттиску Вашему и Дмитрия Ивановича – мы их у всех авторов.

Другая причина, которая задержала мое писание Вам та, что я целые не отрываясь, сижу над “Історією колонізації Слоб.[ідської] України”: оказалось очень много дела незаметного, но очень марудного –

№ 12

8.III. [1933 г.]

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Навела я справки в Видавництві и результат их очень неблагоприятный: рукописи Дмитрия Ивановича не получены; их искали везде, где только они могли быть и нет нигде.

Из разговора с Директором Видавництва С.М.Иваницким-Василенко (22), я узнала следующее: оказывается, тот план передачи всех рукописей по истории, которые были в “Пролетарии”, о котором осенью говорил мне Дмитрий Иванович как о деле решенном, не осуществлен, и план включить ВУАН в видавничу роботу большого масштаба отменен. В таком случае ясно, что рукописи Дмитрия Ивановича, которые должны быть переданы в общем порядке, до ВУАН не досхали. Вопрос только в том, где остались? И мне представляется необходимым сейчас же, если у Вас еще осталось немного сил (про энергию я не говорю) начать поиски их. Они могут быть или в б.[ывшем] Пролетарии, или – что хуже, у рецензентов. ВУАН не может принять участие в поисках, пока не получит от Вас уведомления (можно через меня) о том, высланы ли рукописи, кем и какого числа и месяца. Тогда и Видавництво может принять участие в поисках. Я очень боюсь, что в общем потоке рукописей, оставшихся за бортом вследствие общей реформы, могли потонуть работы Дмитрия Ивановича. “Заселення Півд.[енної] України” можно восстановить по тому черновику, кот.[орый] я получила от Дмитрия Ивановича, там не хватает нескольких страниц, и нет его вводной статьи о “Рушійних силах”, но со Слюбожанщиною может стоять дело хуже. А где тот сотрудник, который помогал Дмитрию Ивановичу?

Иваницкий-Василенко очень заинтересован получить эти рукописи и немедленно, ускорил бы дело с печатанием их. В плане на 1932 г. Дмитрий Иванович поставил переработку и издание Слоб.[одской] України, на 1933 – Південної України. Я говорила С.М., что наша Комиссия хотела бы принять участие в издании их, и он нашел это вполне законным. Во всяком случае, на помощь мою, Вы должны расчит должны расчитывать во всем, в чем она могла бы оказаться полезной. Жду с нетерпением Вашего ответа о судьбе рукописей.

Я замедлила с ответом, г.к. была больна, а А.П. передал это дело мас. Относительно работ Дмитрия Ивановича, я не помню писала ли Вам, что в А.мисії есть только “Нариси” и то, что издавала Академия.

Когда будете писать — напишите, можно ли изъять мои письма, слишком личные и касающиеся живых людей.

Крепко целую Вас, душою предана Вам Н.Полонская.

Н.П. сердечно кланяется.

№ 13

8.V [19]31

Милая Ольга Дмитриевна.

Как видите, дело с изданием сочинений Дмитрия Ивановича попрежнему двигается. Посылаю Вам наш план. На днях, кажется завтра, стоит вопрос об этом плане на заседании цикла. Тогда напишу подробнее. Как поживаете? Куда поедете летом? Когда приедете (и приедете ли) в Киев? У меня к Вам большая просьба: помните в прошлом году я надоедала Вам относительно брошюрки, которую Дмитрий Иванович увез с собою из Киева — с восстания 1863 г. Тогда Институт просил переписать ее на себя, ее вычеркнули из моего абонента, и переписали на его счет. На днях он вернул несколько книг в ВУ — а относительно этой заявил, что в глаза ее не видел, и что она вероятно находится на квартире “у дочери академика Багалия, которая сейчас в отпуску”. Таким образом, тень нависает на Вас. Библиотека просила меня помочь распутать это дело. Я думаю, что ее взял кто нибудь из работающих над этим вопросом — без записи. Простите, что я беспокою Вас, но дело мне же неприятно и хотелось бы его ликвидировать.

У нас огорчение: Ник.[олай] Прок.[опович] чувствовал себя отлично всю зиму — а сейчас болен гриппом, он его обезсиливает, лишает возможности гулять и грозит в будущем осложнениями в области нервной системы. Я так волнуюсь за него.

Слышала, что Наталия Дмитриевна переехала в Харьков (ком.23). А как же Александр Михайлович (ком.24)?

Крепко целую Вас, привет Нат.[алье] Дм.[итровне] и Юрику.

Ваша Н.Полонская-Василенко.

№ 14

8.VI. 1931

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Мы перешли в стадию культуры, когда обмениваться письмами можно только с оказией — процент недоставляемых писем все увеличивается. Главная причина — не знаю, в листоношах, в транспорте, в форме приема в почтах. Я писала Вам длинное обстоятельное письмо, получив от В.А.[Романовского] (какое счастье, что Вы передали рукописи через него) полной исправности рукописи. Тогда же я писала Вам о моем впечатлении свежем и остром от рецензии на Полудневу Украину. С тех пор я не писала т.к. поджидала “ухвали” Президії на издание — и эта ухвала последовала только вчера. Перед тем было частное собеседование Ал.[ександра] Петр.[овича] с секретарями и там было решено, что рукописи Комиссии

сама, и сама выделяет редакторов. У нас намечено так: Ал./ександр/
[ович] историографию, я – Полудн./ево[?] Укр./а[и]и], относительно
Сталлины и феодализма еще не решено. Вчера и третьего дня (впервые
за) заседала президия, но Шлихтер (ком.25) приехал видимо больной и
вопросов не было решено. Получило санкцию наше заявление об
"збірника на пошану" – "без возражений" – но без ухвали нельзя
говорить о нем громко и собирать материалы. Теперь будет мешать
перерыв. Зато наше заявление о переименовании улиц, комиссии и
не было совсем прочитано, я спросила почему – секретарь пояснил
Шлихтера поскорее закончить заседание. И больше уже не будет
сессии. Все идет у нас медленно и вяло: да сих пор еще не
стали "праць", месяц не дают второй корректуры статьи Дм./итрия/
[овича], которая кончает выпуск. До сих пор, третий месяц, не готов
вызванный для Комиссии портрет... опускаются руки.

У нас все по-старому – то хуже, то лучше. На лето едем в Преображение
14 июля. Вот если бы Вы приехали – хорошо было бы. Боюсь, что
[Василенко] не будет там спокойно. У меня все по-старому; нужно
сдать какую-то новую службу – дополнительную, т.к. мне без всяких
уменьшили жалованье. Ал./ександр/ Мих./айлович/ (ком.26)
сказывает, что несправедливо, но все остается как есть...

Крепко целую Вас, Ник./олай/ Прок./опович/ кланяется Вам. Как с
вами?

Ваша Н.Пол./онская/-Василенко.

№ 15

14. IV. 1933

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Как Ваше здоровье? Ваше молчание тревожит меня. Я знаю эту
противную болезнь. Черкните пару строчек на открытке как чувствуете
себя? В.Ф.Левицкий (ком.27), с которым мы были в Преображении
высказывал предположение, что Вы перекупались в Коктебелс – это вполне
возможно.

Вот уже две недели как мы в Киеве, но я еще не вошла в настоящую
жизнь Академии. Все неопределенно, все в стадии перехода от
старого к новому хорошему, но пока неясному. Ломка идет по всем линиям и
все выбиты из колеи. Например такой факт: библиотеку II Відд./ілу/ в 54
шмере, куда-то переводят. Куда – еще не ясно, а на ее месте будет столовая.
Говорят, столовая будет немедленно, а место для библиотеки еще не
выделено и говорят, что некоторое время книги полежат где-то связанные в
пачках... Сейчас узнала, что переносят на ул.Чудновского.

Комиссии фактически не существует. Вместо того на нашем цикле
каждый цикл проводит реформу отдельно) введены бригады: истории
[очего] класса и промышленности – бригадир Оглоблин, историографии –
[же], истории Сталинщины – бригадир Грищенко (ком.28), рев./олпоционного/

движения — Кокошко (ком.29), колониальной политики России — Баранов (ком.30), истории Востока и Запада — Погребинский (ком.31) и Штепа (ком.32). Все наши темы расписаны по этим бригадам, но ассигнования остались закрепленными за Комиссиями. Говорят, что с 1.1.1934 г. вся Академия превращена в ряд институтов, по числу циклов — то есть История, археографический, ист.[ории] материальной культуры, экономическая реконструкция с.[ельского] хозяйства, языкознания и литературы, шевченкознания, еврейской и польской культур — всего 8. Куда будут отнесены юридические комиссии — неясно. Сейчас в спешном порядке пересмотр ненапечатанной "продукции". Вообще с печатанием задержки и сборники нашей Комиссии мирно покоятся на доках нашего шкафа. Это все, что я знаю о новой конструкции ВУАН и как видите — знаю мало. Наиболее реформа коснулась II Відд.[ілу], и особенно — исторического цикла.

Ал.[ександр] Петр.[ович] сейчас на Кавказе, и вообще в Академии пусто.

Крепко целую Вас и жду вестей. Николай Прокофьевич чувствует себя бодро после ужасного лета, и сердечно кланяется Вам. А где Юрий и что с ним? Ведь он уже конил техникум?

Я не сказала, что и сданные два тома трудов Д.И. ждут решения в "общей массе" — "История колонизации" и "Историография" — остальных мы еще не сдавали.

Искренне преданная Н.Полонская-Василенко

№ 16

18.X./1933г.

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Была очень рада получить Ваше письмо, хотя оно такое грустное. Утрата близкого человека — знаю по собственному опыту — всегда глубже и больнее, когда уляжется первое быстрое переживание. Так мучительно болезненно переживала я потерю моих родителей, осознав тяжесть одиночества тоже не сразу (ком.33). У Вас все же есть Юрий, который растет, мужает и будет Вам советником и другом. А я ведь осталась совершенно одна. В разговорах о Вас Дмитрия Ивановича всегда чувствовалась не только любовь отца или гордость, но именно дружеское чувство сотоварища по работе. Мне очень приятно, что Вы заговорили сами об издании работ Дмитрия Ивановича. Мне кажется, что Вы имеете все права и юридические и моральные поставить известные условия при издании: я совершенно согласна с Вами, что их нужно издать, возможно скорее и без изменений. Комиссия поручила мне подготовить издание Слободской Украины. Дмитрий Иванович много говорил об участии в редактировании книги Викт.[ора] Алекс.[андровича] [Романовского]. Поэтому я очень осторожно подошла к делу, думая об участии его подобно участию моему в редактировании "Полудневой Украины", тем более, что Д.Ив. в предисловии много уделял ему приятных слов. Я взяла два издания — первое и рукопись второго, сверила строка за строкой текст — и увидела, что ничего не внесено чуж-

и изменения ограничивались сокращениями первоначального текста. замечания Рецензента [Редина] (ком.34) уже использованы, и большего, ему делать не следует и нельзя.

Списки з історіографії" я не читала, их взял А.П. и собирается делать примечания. "Нариси з історії доби феодалізму" – тоже у него и кажется, что там действительно нужно будет делать примечания. "Поднятия Полудневої України" находится в худшем положении. По совету Дмитрия Ивановича я сделала большие добавления – приблизительно половину текста, доведя главы до XIX стол. Издавать без первоначального текста [Дмитрия Ивановича] эту работу, с такой большой чужих добавлений (они, между прочим, не вызвали суровой критики рецензента – все его стрелы – я проверяла слово за словом – направлены только в Д.Ив. даже в тех случаях, когда он к моей вставке добавлял фразу – рецензент обрушивался не на вставку, а на эту (фразу) мне кажется неудобным. Добавления мои устарели за 5 года, которые прошли с момента вручения их Дм.[итрисм] Ив.[ановичем] и их – если решить печатать – нужно основательно переделать. Стоит ли???? С другой стороны печатать "Историю" по тексту Д.Ив. сейчас мне кажется нельзя: она уже устарела, устарела гораздо больше, чем "Слободская" Украина. Вот я и стою на раздумьи и не знаю, что делать. Я бы очень хотела знать Ваше мнение.

Большой для меня вопрос – издание сборника статей харьковских сотрудников Комиссии. От А.П. Вы уже знаете все обстоятельства дела, не знаю только, достаточно ли подробно осветил он их. Вы конечно знаете о письмах Назарца (ком.35) я советовала А.П. не придавать им большого значения, но первое письмо страшно взволновало и напугало его. Сначала он решил сборник этот не печатать. Под моим давлением дело приняло несколько иной оборот: было поручено 2 рецензентам дать отзывы – Юрковичу, как специалисту по Слоб.[одской] Укр.[аине], и Грищенко, как партийному марксисту. Оба дали отзыв неблестящий, но оба подчеркнули, что ничего "шкідливого" нет, а статью самого Дм.Иван. "Бунт в Харьковском университете" необходимо выпустить и как можно скорее. Но Ал.Петр. все же бьется ответственности, и до сих пор я не знаю – выпустит он сборник или нет. Он уехал из Кисва, не сказав мне, и передав через жену, что напишет из Харькова – и письма я не получила. Мне это очень больно. Больно потому, что – хорош или плох – сборник этот последний, составленный Дм.[итрисм] Ив.[ановичем] и, по-моему, мы оказываем плохую услугу его памяти, снимая его. Не знаю, передал ли он Вам во всех подробностях, которые Вы должны знать по моему мнению.

Поручение Ваше я выполнила только вчера, т.к. нет аппарата медленнее нашей бухгалтерии. Оказалось, что эти облигации Дмитрий Иванович получил сам во время сессии – мне показали его расписку и таких №№ там не было. Есть сплаченные облигации последнего займа "Вирішального року" – напишите доверенность мне на получение их или заявление в канцелярию, чтобы их переслали ценным пакетом: это даже лучше, вернее.

Ник.[олай] Прок.[опович] очень хорош после Преображения. он много ходил, читал, работал. Теперь ему снова плохо, не спит ночи, опухли ноги как чербаны и ничего не можем поделать с ними.

Оба шлем Вам и Юрику наш привет. Юрик — полумужчина для нас. Пятигорск...

Ваша всей душой Н.Полон.[ская]-Вас.[илена]

№ 17

15. IX. [19]40

Милая Ольга Дмитриевна.

Получила Ваше письмо в Каневе, получила и в Киеве. Мне совсем нравилось за Ваше "приложение" — спасибо, но зачем такая роскошь? Мне очень жаль, что Вы были эти дни без нас, мы так хорошо провели бы их вместе. Ал.[ександра] Мих.[айловича] Вы прямо таки очаровали. Я боюсь, что тут Вам было не очень удобно — не даром Вы так скептически относитесь к моему "субретке". А чем она поколебала в Вас веру в "прочность" опоры? Напишите мне. Юлик мне говорил, что она мало заботилась о Вас, вопреки моей инструкции, и даже не подавала Вам самовара, как я предписала ей. Царапала Вас и мой Кис-Кис, как говорил мне Ал.[ександр] Петр.[ович].

Он говорил мне, что собирается поставить вопрос о привлечении Вас к работе в Ин-т (ком.36), но не знаю, что он уже сделал в этом отношении.

Время мы провели отлично в Каневе, но при приезде посыпался ряд неприятностей. Главная та, что Ал.[ександр] Мих.[айлович] привез грипп. и лежит. Я чувствую себя снова очень плохо, хуже, чем до отъезда. И ко всему присоединялась какая-то гнетущая тоска. Была сегодня у врача, говорит, что никаких достижений нет. А год предстоит тяжелый. С Москвою тоже "тихо", до сих пор не назначают время диспута.

Уехал позавчера наш Юдик (ком.37). Он очень хороший, но страшно нервный и балованный. Теперь мы скучаем без него. Я очень просила его зайти к Вам. Он в Харькове совершенно одинок, с отъездом отца он погряз в своей семейной жизни, а мое мнение о ней Вы знаете. Вы ему очень понравились, и я была бы счастлива, если бы он поддерживал связь с Вами. Он опустится без общества культурных, интеллигентных людей. Он обещал нам быть у Вас, но мы боимся, что не решится. Он ведь очень застенчив.

Крепко целую Вас, всего доброго. Ал.[ександр] Михайлович передает Вам самый горячий привет и всякого рода комплименты. Я так рада, что Вы понравились друг другу. Ал.[ександр] Мих.[айлович] очень хороший человек.

Привет Юрику. Как же Верочка? будет жить с Вами?

Искренно Ваша Н.Полонская

№ 18

15. XI. [19]40

Тарасовская 20, кв.5

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Бесконечно виновата перед Вами в том, что до сих пор не собралась написать Вам и ответить на Ваше письмо такое милое письмо. Причине бы

или не было совсем. Сначала я готовилась к защите, потом ездила в Москву, потом спешно огдедывала статью для Москвы, и тут подвернулась. И я только сегодня освободилась от сессии и от статьи и спешу сказать Вам.

Защита прошла более чем удачно (ком.38). Оппонентами были Пичета (ком.39), Савич (ком.40) и Ал.[ександр] Петр.[ович]. Все отзывы были сбалансированы и присудили мне степень единогласно. Посехала я в Москву с мужем, боялась разболетсяя, но все обошлось благополучно, даже повидала старых знакомых и побывала в музеях.

В Киеве все это время меня еще "поздравляют" — особенно во время отпуска. Я даже не ожидала, чтобы это событие так расценивалось в Киеве. У нас был маленький вечерок для моего сектора, все обошлось очень мило. Был и Агаф.[ангел] Ефим.[ович]. В Москве я получила два предложения опубликовать статьи — для "Историка-Марксиста" и "Исторических Записок" — и я отослала сегодня — обе по диссертации. Получила предложение прочитать спецкурс в Ун/иверситете тоже по диссертации и уже читаю. С мужем все хорошо.

Сейчас, окончив это дело, сажусь за каторжную работу — за "Нарисок історії України XVIII стол." — 1725-1796 pp. Это очень тродно, особенно потому, что туда входит Галичина и Буковина.

Как поживаете Вы? Как Ваше здоровье? Находите ли Вы возможным работать над диссертацией? Так обидно, что Вы теряете время и убиваете себя.

Большое спасибо Вам за нашего Юлика, но я боюсь, что это дело непростое. К его прямо таки ненормальной застенчивости примешивается вредное влияние его жены, женщины не глупой, но глубоко пропитанной провинциальным мещанством. Она ревниво охраняет его от всяких влияний кроме и, наверное, приняла меры, чтоб оградить от Вас. Так мы думаем. Он в Киеве очень тепло отзывался о Вас и обещал пойти к Вам. Ал.[ександр] Мих.[айлович], который сразу оценил и полюбил Вас, писал ему несколько раз, чтобы он пошел к Вам, писал, что считает большим счастьем для Юлика Ваше внимание к нему, возможность включить Вас в число знакомых, но как видите — результатов не видно. Вам очень кланялся Пичета, и Вам, и Юрику, который очень понравился ему. С нашим Юликом я считаю дело очень трудным. Он не бывает нигде, более выдающихся он стесняется, с менее развитыми ему естественно скучно. А его жена, мне кажется, боится, что кто-то окажется умнее ее... О том, как она разбирается в людях свидетельствует такой факт: когда они в первый раз приехали в Киев, то она поддалась под влияние — не смейтесь — да, нашей Матрены (ком.41) и которая конечно обрадовалась и бог знает чего наплела про меня. И эта чуткая женщина не разобралась в нас — и настроила соответствующим образом Юлика. А зимою, когда она приезжала сюда, я сама слышала, как она советовала Юлику из нас двоих — то есть Матрены и меня, ориентироваться... на Матрену. Бывает.

Если бы наш дикообраз пришел к Вам, мы были бы очень рады.

Ни, а как же Ваши семейные дела? Как Юрикова жена? Как бы она попала там еще на чуму?

Получили ли Вы деньги от Белецкого (ком.42). Он сейчас в Киеве. Сегодня делает доклад на сессии – я в первый раз слушала его. Мне не очень понравился. Как у Вас дела с пенсией? Богомолец (ком.43) в отпуске, вернется во второй половине ноября. Может обратиться к нему? Если бы он был передаточной инстанцией – пишите мне. Очевидно, речь может идти только о Вас, а не об обеих дочерях. Вы все же побывайте у адвоката, может нас есть собственный. Ал.[ександр] Мих.[айлович]?

Не забывайте же меня, крепко целую Вас. Алекс.[андр] Мих.[айлович] сердечно кланяется Вам.

Ваша Н.Полон.[ская]-Вас.[иленко]

Было ли у Вас землетрясение? У нас было очень сильное, мы проснулись от треска и сотрясения: кровать подбрасывало что-то сверху.

№ 19

6.IV. [1941]

Вы, милая Ольга Дмитриевна, имете все права и основания стать объектом дурного мнения обо мне: я так долго не отвечала Вам. Но я была все время невероятно загружена работой и только через несколько дней вздохнула свободнее. Я очень, очень рада, что Вы возвращаетесь к науке и думаете защищать диссертацию. Если Вам разрешат защищать ее без сдачи "минимума", немедленно приступайте к ней. Что именно Вы думаете защищать? Мы с Ал.[ександром] Петр.[овичем] оба просим Вас произвести эту операцию в Киеве: спишитесь со мною и мы тогда обсудим, где лучше это сделать – в Институте или Университете. В обоих местах оппонентами будем оба мы. Я ведь читаю в Университете (ком.44) и 14 выступаю оппонентом в защите диссертации (ком.45). Приезд в Киев для Вас будет сопряжен только с железнодорожными расходами: остановитесь Вы у нас, конечно. А мы будем очень рады видеть Вас. Хорошо? Хорошо бы пропустить защиту до каникул.

Я не поняла Вл.[адимира] Ив.[ановича] Пичету. Показалось мне, что Вы были в Москве и посетили его? Или он с кем-то говорил о Вас и Вашей диссертации? Его почерк такой, что можно иногда прочесть что-то совершенно неожиданное для него самого. Говорила я недавно с нашим зав.сектором феодализма (ком.46). Он задал вопрос, почему бы не издать что-либо из трудов Дмитрия Ивановича, предполагавшихся к изданию тогда. Подумайте об этом и напишите мне.

А как с Вашей работой для Ин-та Литературы: сговорились ли Вы с Белецким и получили ли деньги?

У меня большая радость: будет печататься большая работа, за которую я получила докторскую степень. Часть рукописи уже в издательстве, остальное отдам на этой неделе, вот потому то я была так ужасно занята. Вообще сейчас работать можно и стоит, мест для издания много. У нас издаются "Записки", в Университете тоже, в Киеве издается журнал

ська Україна", словом було би время и материалы. Имейте все это в
 Можеет быть пропустите какую-нибудь статейку? Это было бы очень
 напомнили бы о себе перед защитой. Подумайте и об издании трудов
 [Ив.] Ив. [ановича]. Я думаю, что лучше всего было бы пустить в
 очередь "Заселення Слобідської України", ту, что редактировала я.
 "Україну", по-моему сразу пускать не стоит. Я ведь все время
 [Дм.] Дм. [итрию] Ив. [ановичу], что не стоило ее переделывать: она
 за свой общедоступный характер и стройность композиции.
 Крепко целую Вас. Ал. [ександр] Мих. [айлович] сердечно кланяется.
 сто вспоминаем Вас. А наши бирюки так и не были у Вас?
 Ваша Н.Полон.[ская]-Вас.[иленко].

КОМЕНТАРІ

1. Багалій Дмитро Іванович (1857-1932) — український історик, академік ВУАН (1918), завідувачий Харківською науково-дослідною кафедрою історії української культури (1921-1930), а після її реорганізації в інститут — директор Харківського н.д. інституту історії української культури (1930-1931), голова комісії для вивчення соціально-економічної історії України XVIII ст. в зв'язку з історією революційної боротьби. (КВСЕІУ).
2. Василенко Микола Прокопович (1866-1935) — український історик, академік ВУАН (1920), другий чоловік Н.Д.Полонської-Василенко.
3. Кульчицький В. — співробітник Демографічного інституту, секретар ВУАН.
4. Романовський Віктор Олександрович (1890-1971) — історик і архівіст, директор Київського архіву стародавніх актів (1921-1931).
5. Оглоблін (Оглоблин) Олександр Петрович (1899-1992) — відомий український історик, керуючий КВСЕІУ.
6. Багалій Юрій Володимирович (1915-1976) — син О.Д.Багалієвої.
7. Фомін Олександр Васильович (1869-1935) — український ботанік, академік ВУАН /1921/.
8. Воблий Костянтин Григорович (1876-1947) — український економіст, статистик, економігеограф, академік ВУАН (1918), в 1928-1934 р. віце-президент ВУАН.
9. Камінський Василь Якович (1899-після 1941) — історик, нештатний співробітник КВСЕІУ; в 1929-1932 — директор Київського обласного архіву.
10. Ангипович Кость Єрофеевич (1899-після 1935) — історик, нештатний співробітник КВСЕІУ.
11. Жураковський (Жураківський) Геннадій Євгенович (1894-1955) — історик і педагог, нештатний співробітник КВСЕІУ.
12. Йдегсья про лист Й.В.Сталіна в редакцію журналу "Пролетарская революция" (1931, №6) "О некоторых вопросах истории большевизма", де більшовиків виклав своє бачення історії ВКП(б).

13. Клименко Пилип Васильович (1880-1955) – професор Київського ІНО, дійсний член Науково-дослідної кафедри історії України в Києві.
14. Міллер Дмитро Петрович (1862-1913) – український історик, досліджував історію Слобідської та Лівобережної України.
15. Красуський Костянтин Адамович (1867-1937) – хімік, член-кореспондент АН СРСР (1933), член-кореспондент ВУАН (1926).
16. “Преображение” – санаторій-профілакторій для наукових працівників під Києвом.
17. Яновський Феофіл Гаврилович (1860-1928) – терапевт, академік ВУАН (1927). Друг сім’ї Василенків.
18. ВШ – вища школа. Мається на увазі Київський художній інститут, де деякий час працювала Н.Д. Полонська-Василенко, але була звільнена в 1932 році за постановою Вищої атестаційної комісії УРСР (ВАК).
19. Левченко Микола Захарович (1903-1934) – український етнограф, особистий секретар академіка А.Ю. Кримського. Завідувач вуанівським друкарнею (1924-1929). Заарештований у сфабрикованій справі СВУ.
20. Кримський Агатангел Юхимович (1871-1942) – український орієнталіст, мовознавець, академік ВУАН (1918), неодмінний секретар ВУАН (1918-1928).
21. Кравченко Іван Іванович (1899-1953) – історик, нештатний співробітник КВСЄІУ.
22. Іваницький-Василенко Сергій Михайлович (1883-1984) – історик права, штатний співробітник Комісії для вивчення західно-руської української права (1924-1934).
23. Багалій-Ладигенська Наталя Дмитрівна (1888-1967) – старша дочка Д.І.Багалія, жила в Ростові.
24. Ладигенський Олександр Михайлович (1891-1974) – доктор юридичних наук, професор державного права Ростовського і Московського університетів, чоловік Н.Д.Багалій.
25. Шліхтер Олександр Григорович (1868-1940) – радянський партійний і державний діяч, учений-економіст, академік ВУАН з 1929 року, віце-президент ВУАН (1931-1938).
26. Йдеться про Моргуна Олександра Михайловича (1874-1961) – економіста, останнього чоловіка Н.Д.Полонської-Василенко, з яким вона побраталася в 1937 році.
27. Правильно Левитський Володимир Фавстович (1854-1939) – економіст, академік ВУАН (1925).
28. Грищенко Микола – історик, нештатний співробітник КВСЄІУ.
29. Кокошко Степан Степанович – історик, в 1930-х роках – секретар II (Соціально-економічного) відділу ВУАН.
30. Баранович Олексій Іванович (1892-1961) – історик, позаштатний співробітник КВСЄІУ.
31. Про кого йде мова встановити не вдалося.

- Штепа (Штеппа) Кость Тодосьович (1896-1958) – історик, професор ІНО з 1931 року.
- Йдеться про батьків Н.Д.Полонської-Василенко – Дмитра Петровича (1855-1918) – генерал-лейтенанта російської армії, та матір – Марію (з дому Мухортових), яка померла також в 1918 році, зразу ж чоловіка.
- Редін Микола Георгієвич (1902) – співробітник Комуністичного центру.
- Назарєць Олекса Іванович (1899-?) – історик, співробітник комісії державної та Слобідської України.
- Йдеться про Інститут історії України АН УРСР, де тоді працювали Полонин – зав.сектором історії капіталізму та Н.Д.Полонська-Василенко – ст.науковий співробітник сектору феодалізму.
- Згадується син О.М.Моргуна – Юлик (Юдик) – який жив з дружиною донькою у 1939-1940-х роках в Харкові, де приятелював з Багалієм та його дружиною Євгенією Марковною.
- Йдеться про захист докторської дисертації Н.Д.Полонської-Василенко по історії заселення Южної України в середині XVIII ст. (1735-1736), який відбувся в Інституті історії АН СРСР (Москва) 18 жовтня 1940 року.
- Пічета Володимир Іванович (1878-1947) – історик, академік АН УРСР з 1946 року.
- Савич Олександр Анатолійович (1890-1957) – історик, в 1938-1941 – співробітник Інституту історії АН СРСР.
- Матрена Іванівна – домопрацівниця в сім'ї Н.Д.Полонської та Моргуна.
- Білецький Олександр Іванович (1884-1961) – український і російський літературознавець, академік АН УРСР з 1958 року.
- Богомолець Олександр Олександрович (1881-1946) – український фізіолог, держ. і громад. діяч, академік (1929) та Президент АН УРСР (1930-1946).
- В Київському державному університеті ім.Т.Г.Шевченка (КДУ) Полонська-Василенко читала курс українського джерелознавства.
- Йдеться про захист кандидатської дисертації аспіранта КДУ Сердюка, де Н.Д.Полонська-Василенко виступала опонентом.
- Згадується Марченко Михайло Іванович (1902-1983) – український історик, зав.сектором історії феодалізму Інституту історії України (1937-1941) – з перервою, коли був ректором Львівського університету в 1939-1940 роках).

ПРИМІТКИ

Богдашина О.М. Діяльність харківської науково-дослідної кафедри історії української культури імені академіка Д.І.Багалія (1921-1934 рр.) – Харків, 1994 – с.48

² Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського НАН України ф.Х, №3618, арк.2

³ Там само № 3007, арк. 1-зв.

⁴ Там само № 2263, арк. 1-2

⁵ Там само № 2265, арк. 1; № 3628, арк. 4; № 3714, арк. 1 зв.

⁶ Центр держ. архів-музей літератури і мистецтва України ф.542, кн.1, спр.106, арк.74

⁷ Див. наприклад. Полонська-Василенко Н.Д. Українська академія (нарис історії) К.. 1993; її ж Історична наука в Україні за совєтської доби та доля істориків (Записки НТШ. Париж, Чикаго, 1962 - г.173.